

Ation.

Любовь без голоса

by M Golden
2026

18+

M Golden

Ation. Любовь без голоса

<https://litres.ru/74266144>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге рассказывается история девушки, которая переехала из Петербурга в Рим, следуя за своей мечтой. Она ходит по городу, как будто это кино, но трудности, с которыми она сталкивается, вполне реальны.

Пока она разбирается в своей любовной жизни, получает новое высшее образование и заводит друзей из разных культур, ей приходится познакомиться с собой и с динамикой гендерных отношений – и эти открытия не всегда приятны. Она не может сказать «нет» и не решается сказать «мне больно» – и при этом параллельно строит совсем другую, более устойчивую версию себя: исследовательницу и профессионала, которая следует за тем, что для неё важно.

«Ation. Любовь без голоса» – автобиографический роман о любви, молчании и о том, как трудно дать себе право злиться, хотеть и отказывать – особенно тем, кого любишь.

Книга понравится тем, кто любит покопаться в себе.

Эта книга основана на личном опыте автора. Некоторые персонажи, обстоятельства и детали были изменены или объединены в художественных целях.

Содержание

Глава 1. Миссис Norouzi	4
Глава 2. Piazza di Siena	22
Глава 3. Аполлон	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ation. Любовь без голоса

*Счастлив поистине тот, кто всходил
здесь в декабрьские дни, чтобы
после свежести затенённых улиц
почувствовать благодетельное тепло
на вечно солнечном Пинчио, кто
стоял на верхней площадке в ночи,
веющие душистым сирокко, колеблющим
пламя фонарей и сгибающим струи
фонтанов, кто в ослепительном
блеске поздней весны искал здесь
любимых роз или остро и старинно
пахнущих ветвей жасмина! В этом
счастье, которое даёт испытывать
Рим, есть что-то похожее на
счастье быть молодым – ждать с
трепетом каждого нового дня,
засыпать с улыбкой, думая о
завтра, верить в неистраченное
богатство жизни, быть
расточительным в своей радости,
потому что всюду вокруг бьют
неиссякаемые её источники.*

Павел Муратов, Образы Италии, Книга 2, Рим.

Глава 1. Миссис Norouzi

Я зашла в лифт, и чья-то рука впилась мне в шарф, резко

дернув назад. Я пошатнулась, пытаюсь обернуться и разглядеть, кто это был. Несколько мгновений в борьбе, и я увидела его. Он еле держался на ногах, а его посиневшее лицо... Я вгляделась: оно мне знакомо. Джаду́. Рядом из ниоткуда возникла какая-то борзая девка, вцепилась в меня взглядом и стала трясти: “Откуда ты его знаешь?!”

– Джаду! Это ты! – я стала гладить его холодное лицо.

Он вяло улыбался и покачивался. Я поняла, что девка его дилер, что он чем-то накачен и приехал в Петербург из Рима, чтобы навсегда уйти от реальности. Я испугалась, что он погибнет и... проснулась. Я у себя на даче, уже утро.

Джаду... Это имя отозвалось вспышкой воспоминаний в тишине дачной комнаты. Этот сон был как наваждение. Но Джаду реален. Вернее, был реален. Я стала вспоминать: шесть лет сложных чувств, шесть лет от мечты до... чего? Тут есть над чем подумать...

Меня зовут Оксана Земских. Я выросла в Петербурге, в коммуналке в центре города. Вообще-то – прямо на Невском проспекте, который для многих был туристическим центром города, недоступным для жизни. Моя мама рассказывала мне, что, когда она вышла замуж за моего папу, её более всего поразило это чувство, как будто ты приобщилась к небожителям: пока все праздно или суетливо просто гуляют по Невскому, не сворачивая, а ты – заходишь прямо в арку – и идёшь домой. Это было похоже на священнодействие, как будто ты погружаешься в скрытые слои города, туда, где ми-

стически, и даже зловеще, бурлит настоящая петербургская жизнь.

Так, в детстве я гуляла по набережной Фонтанки, воспринимала центр города как свою собственность, а своё право жить там – уникальным и непреложным. Родители активно воспитывали во мне культуру: они водили меня в различные школы – музыкальная, художественная, балльные танцы... И всегда – взгляд на Европу как на идеал и правильный уклад жизни.

Я так истово мечтала о жизни за границей, о романтических отношениях с иностранными мужчинами, о путешествиях в старинных европейских городах... Как же я удивилась, когда в итоге сорвала джекпот: переехала жить в Рим!

Я вернулась из своих мыслей и встала с постели. Я подошла к окну своей спальни и открыла окно. Передо мной медленно покачивались зеленые ели, мягко освещенные солнцем, воздух был свеж и постепенно заполнял пространство спальни дачного дома, в котором я находилась. Я приехала сюда из-за границы навестить своих родителей и насладиться покоем родных мест – я уже давно живу вдали от дома. Деревянные стены окрасились в цвет тёплой охры, и мои мысли ещё глубже погрузились в воспоминания о Риме, чьи стены тоже обладали характерным охристым оттенком.

Где-то двенадцать лет назад мы поехали в Италию с моей подругой, запланировав себе большое путешествие с севера на юг страны. Мы вылетели из Финляндии дешёвым Ryanair

в Милан. Рейс был поздний, и на центральный вокзал Милана мы прибыли уже во втором часу ночи. По карте, нам было недалеко до отеля, и я настояла, чтобы мы пошли пешком. Это и стало той роковой ошибкой: двое огромных парней выбежали из неоткуда и, прокатив меня по асфальту, содрали с меня мой рюкзак и фотоаппарат. Так, я потеряла паспорт, дорогую камеру и 500 евро наличными. В ту поездку я и познакомилась с Джаду. Мы с подружкой остановились у него через Couchsurfing уже под конец нашего двухнедельного приключенческого путешествия. Он открыл дверь лифта – в Италии они часто открываются вручную. Мой чемодан был сломан, и мне было жарко. Очень коротко мой взгляд проскользнул по его взгляду, и внутри меня что-то дрогнуло. Итальянец с франко-иранскими корнями и именем, звучащим как у героя романа в стиле фэнтези. Чуть выше меня ростом, с выразительными, немного грубоватыми чертами лица и взъерошенными тёмно-русыми волосами. Его квартира на последнем этаже в районе улицы XX Settembre сразу запала мне в душу: просторная терраса с надувным бассейном, высокие окна с деревянными ставнями, тёплый свет и богемный дух свободы. Это напомнило мне рассказ моей мамы о Невском проспекте: я также была заморожена этим чувством, как будто мне удалось проникнуть в скрытые слои римской жизни. Вечером была паста его приготовления, вино, весёлые посиделки вчетвером – он, я, моя подруга и его закадычный друг Дарио, – много смеха, игра в “угадай персо-

ну”... Я загадала желание: чтобы между нами случилось “что-то” – не потрудившись сформулировать, что именно – и пошла спать пораньше. А он включил музыку Vangelis “Ask the Mountains” и сказал, что будет контролировать мои сны...

Что ж, моё желание будет исполнено: “что-то” произойдёт.

Через несколько дней моя подруга улетела назад в Питер, а я осталась – у нас были разные рейсы. И, если раньше я беспокоилась о том, как же я буду в Риме одна, то после знакомства с Джаду, я обрадовалась возможности побыть с ним наедине. С первого момента знакомства он мне понравился, точнее он вместе со всем своим загадочным антуражем. Было что-то очень притягательное в его образе, начиная с того, где он родился и заканчивая его внешностью и образом жизни, который казался для меня, одновременно, недостижимым и очень желанным.

Когда мы остались вдвоём, он повёл меня в Villa Borghese, которая была неподалёку. Мы о чём-то увлечённо разговаривали – уже тогда между нами появился какой-то непонятный, но понятный нам обоим, язык, состоявший из наложенных на контекст обрывков песен. Незаметно, мы пришли к очень красивому месту в этой вилле, которое называлось Piazza di Siena. Это был пустынный ипподром с каменными ступенями, как в античности. Мы расположились на самой высокой ступени. Тишина, лунный свет, позади шелестела вода фонтана, и где-то вдали звучала музыка, по-моему, Рах-

манинова. В какой-то момент мы зацепились взглядами. Он смотрел на меня снизу исподлобья и улыбался, я смотрела на него с прищуром, предвосхищением и опаской. Напряжение за пол мгновения взлетело от 0 до 100 и – бум! – мы поцеловались. Это не было похоже на выбор. Скорее на горки в аквапарке: вот ты оттолкнулась и бесконтрольно полетела вниз, гонимая водой, пока в самый неожиданный момент тебя не поглотит тяжелый плотный слой воды в конце. Ещё через пол мгновения мы уже лежали на земле, и нападавшие сухие листья впутались в мои длинные светло-русые волосы. Остановиться было сложно... На выходе из виллы, он назвал меня своей фамилией – миссис Norouzi. Именно так я себя и чувствовала.

Придя домой, мы страстно занялись любовью, однако... не всё получалось так, как хотелось бы. Но мы были молоды, и не стали разговаривать об этом. На следующий день мы проснулись в хорошем настроении, но при этом было немного напряжённо и некомфортно, как-то угловато и нарочито «свободно». Он пошёл приготовить завтрак, а мне почему-то было важно сказать себе, что всё происходящее меня совсем не трогает, и что у меня к нему нет чувств, и что вообще я ушла гулять по Риму – ведь это мой последний день! Так я и сделала. Пока я шла по улицам, я всё время старалась как бы держать внутреннее расстояние между собой и окружающими меня людьми, поскольку их внимание ко мне было для меня некомфортным. А в Италии я, будучи характерной

славянской внешности, выглядела ярко, почти экзотично на фоне местных. Я всегда знала про себя, что я красива – мне это часто говорили дома и не только. При этом, я часто замечала, что мои подруги, в присутствии которых мне делали эти комплементы, могли от меня отстраняться, что-то язвительно комментировать или ещё как-то наказывать меня за те неприятные чувства, которые я у них вызываю. Поэтому моя внешность поднимала во мне смешанные чувства: с одной стороны мне нравилось считать себя красивой, а с другой – я всегда боялась, что это сделает меня одинокой или ещё хуже – предметом для чужой агрессии. В общем, я всегда старалась смотреть как бы сквозь людей и держать свою чувствительность подальше от чужих реакций и намерений. Музыка помогала мне в этом: я шла по улицам, слушала музыку и думала о своём. Этот ритуал превращал любую прогулку в путешествие мыслей и чувств. Так, прошёл день.

Вечером мы пошли в бар Callisto в Trastevere с его друзьями. Этот бар очень популярен в Риме – в нём толпы народу от богатых и влиятельных до бедных и счастливо пьяных, стоит всё очень дёшево, почти как в магазине, а атмосфера весьма оживлённая. Для баров Рима было характерно, что люди толпятся на улице у входа в бар, потягивая бокал вина или другого напитка, оживленно обсуждая всевозможные темы. Из-за этого небольшие площади, на которых находились эти бары, были просто битком забиты людьми, и на меня это произвело огромное впечатление – я никогда

раньше не видела такой концентрации жизни на один квадратный метр – мне очень нравилось!

В тот вечер было жарко, но я была вынуждена накинуть джинсовую куртку с высоким воротником, потому что на моей шее красовался синий след от его поцелуев. Я помню, что мне было жутко стыдно, и я пыталась сканировать пространство на предмет наличия осуждения со стороны окружающих. Осуждения я не заметила, но столько внимания в свою сторону я не получала никогда: на меня обернулся весь бар и на долю секунды... замолчал. Я не знаю, почему так вышло, но Джаду тоже отметил, что это было heavy.

На следующее утро он отвёз меня на машине в аэропорт, помог объясниться на стойке регистрации, почему у меня справка вместо паспорта, мы обнялись, сказали, что ещё увидимся, и я улетила назад в Петербург. И только приземлившись, я ощутила, насколько сильное впечатление на меня произвёл этот короткий роман. Музыка Vangelis постоянно звучала у меня в голове, Петербург казался серым и мёртвым по сравнению с Римом, все чувства были в полном раздразе, и я ходила по улицам как помешанная. До своей поездки в Рим, я где-то полгода восстанавливалась от предыдущих отношений, после которых я как будто полностью потеряла свою чувствительность – мне было на всё наплевать. А теперь, я потеряла свою внутреннюю стабильность, и в этой нестабильности я снова ощутила себя ... живой. Мне тут же стало страшно, что мы с Джаду больше никогда не увидим-

ся, а жизнь моя так и останется серой и пустой.

Иногда мы переписывались, и в одной из таких переписок, родилось моё прозвище – Ation.

- What are you doing?

- Nothing, just Oksanation...

- Oksanation...Ksanation, Nation, Ation. Ation! – смеялся он в переписке.

Я стала искать способы приехать в Рим на подольше – например, на три месяца на стажировку. Я пыталась найти компании с подобными предложениями, но опыта в поиске у меня особо не было, и я ничего не нашла. Потом, я решила познать, какие есть программы магистратуры на английском языке: я загуглила «ВУЗы Рима» в Википедии и по очереди заходила на их сайты в поиске подходящего варианта, но тоже ничего не нашла. Зато нашла в Милане.

К слову, Джаду меня не приглашал. Но во мне родилось какое-то непреодолимое желание – как непреодолимая властная необходимость – сделать всё возможное для осуществления своей мечты – вернуться в Рим и продолжить этот прерванный роман.

Милан, конечно, не Рим, но тоже неплохо.

Я стала готовиться к поступлению: экзамен английского языка TOEFL, портфолио творческих работ, резюме, мотивационное письмо и референсы от преподавателей. Я всё подготовила, но не прошла конкурс. К тому моменту мои страсти уже поулеглись, я начала работать дизайнером у сво-

ей подруги и решила, что оно, может, и к лучшему: в конце концов у меня уже был диплом магистратуры, зачем мне ещё один?!

Но через пару месяцев, я получила письмо... из Рима! В Риме открывалась новая программа магистратуры по направлению Product Design на английском языке, похожая на ту, на которую я не прошла в Милане. В имэйле мне сообщили, что нашли меня по базе данных Миланского университета, и предлагают подать документы в Рим.

Я прочитала это письмо в конце рабочего дня, молча закрыла ноутбук и пошла на йогу. Вернувшись, я перепрочла это письмо и убедилась, что это не спам. В голове от волнения появился белый шум, мне показалось, что это судьба, и я поняла, что мне страшно, что моя мечта может стать реальностью. Или ещё хуже – что мечта может поманить, приблизившись настолько, что я в неё поверю, – и испариться как не бывало.

Я обратилась к маме за советом. Про свой роман и чувства я рассказывать не стала – опасалась нравоучений. Просто рассказала про магистратуру и про возможность жить и учиться в Риме.

- Конечно давай, ты же всегда об этом мечтала! – ответила она.

Так, год спустя после того приключенческого путешествия, я вернулась в Рим с чувством, как будто я исполняю некий религиозный обряд. Я помню, как я стояла на Pincio

– смотровой площадке виллы Borghese – и передо мной открывалась Piazza Del Popolo. Золотисто-охристый свет заливал площадь, на ней шумели фонтаны, и мельтешили люди, а в далекой дымке таял Ватикан. Солнце жарким теплом падало мне на плечи, и я почувствовала, что эта площадь благословила меня на новую жизнь, и я с энтузиазмом ухватилась за этот шанс.

~

Переезд был волнительным: надо было найти стабильное жильё, оформить все документы правильно... К тому же я уже успела ошибиться в подготовке визы, и мне пришлось доделывать бумажную работу уже на месте, в Риме. Университет рекомендовал возвращаться домой и пробовать поступать снова через год... От одной мысли, что я могу потерять нечто столь важное в своей жизни, я почти что теряла сознание. И я решила приложить все усилия, чтобы остаться. По-итальянски я ещё не говорила, мобильный интернет был дорогой, Wi-Fi был далеко не везде и не у всех, так что я бродила по городу, ориентируясь по отметкам на карте Рима от офиса к офису, от нотариуса к нотариусу с заранее подготовленной фразой “devo autorizzare la mia firma” – мне надо было заверить свою подпись. Как потом выяснилось, перевод был неправильный. Но мне повезло: секретарша одного из нотариусов говорила по-английски. Она растрогалась моей историей и помогла мне с этой задачей, которая, в итоге, вместо 60 евро, была оформлена бесплатно, и моя подпись –

“Оксана Земских” – теперь стала легальной на итальянской земле. Благодаря этой “мелочи”, я смогла преодолеть бюрократический барьер, и университет позволил мне остаться и дожидаться, пока и остальные недостающие документы будут готовы (а это несколько месяцев). Звучит просто, но клянусь всеми силами своей души – большего стресса в своей жизни я не переживала никогда. Мне казалось, что всё моё существование зависит от чьего-то расположения и подписи на листке А4.

Пока я носилась как угорелая по всем мыслимым и немыслимым инстанциям и познавала бюрократическую сторону Италии, я обнаружила интересный момент касательно того, где я заселилась. Подруга подруги сына подруги детства моей мамы (она же “седьмая вода на киселе”) жила в Риме уже несколько лет и снимала комнату у одной пожилой пары в районе недалеко от центрального вокзала Termini. Комната сдавалась в “женской” квартире и выглядела аскетично и, в то же время, по-итальянски традиционно. Там были такие же высокие деревянные ставни-жалюзи, как и в квартире у Джаду, и вид на узкую улицу с каменной мостовой. Я помню тот момент, когда я держала в руках свои ключи. Для меня это были ключи к свободе, к своей жизни, к независимости. Каждый шаг, который я делала по улицам Рима, ощущался как сцена из итальянского кино, а в момент, когда я открывала тяжеленную деревянную дверь парадной, казалось, что это сменяется сцена фильма, и за дверью ожидает разгадка

какой-то тайны. Вскоре после того, как я подписала контракт и освоилась, я обнаружила: живу в десяти минутах от той самой улицы, где год назад остановилась у Джаду. Его улица! Сердце ёкнуло. Случайность? Или знак? Он знал, что я приехала учиться. Но писать я ему не спешила. Боялась быть навязчивой. Боялась, что реальность разобьет иллюзию значимости этого совпадения.

Я видела во всём происходящем знак судьбы и была права, хотя впоследствии это обретёт совсем другой смысл.

Через пару недель после того, как основные бытовые задачи были решены, я написала Джаду, и мы договорились встретиться. Честно говоря, его приглашение было расплывчатым: “Напишу после ужина”. Тогда я еще не знала об итальянском ужине: в моём понимании ужин заканчивался часов в 8-9 вечера, а в Италии в это время он только начинался. Не зная, чем себя занять от волнения, я пошла гулять по центру города, чувствуя себя в подвешенном состоянии. Я решила сконцентрироваться на прогулке и приготовилась, в крайнем случае, просто пойти домой, не дождавшись встречи. Кстати, несмотря на то, что уже был октябрь, на улице всё ещё стояла очень тёплая погода, и прогулка ощущалась вполне приятно и празднично. Шаг за шагом, продираясь сквозь туристов на узких улицах, я дошла до Campo Dei Fiori. Там тоже было куча народу – вокруг памятника Джордано Бруно собралась толпа молодых людей, а по краям площади – открытые террасы баров и ресторанов – все полны отдыха-

ющих. На секунду мне стало грустно, что я не могу к ним присоединиться, так как никого не знаю и, неожиданно, я почувствовала легкий озноб в тёплом римском воздухе...

Он-таки написал и пригласил присоединиться к нему и его друзьям в Trastevere. Это было недалеко. Там народу было ещё больше, чем на Сатро! Я шла сквозь толпу, и моё сердце колотилось. Я увидела его посреди узкой улицы. Он помахал рукой, мы тепло обнялись. Он представил меня своим друзьям. Я чувствовала себя напряжённо, возбуждённо, воодушевлённо, нервно. Я помню, что подолгу зависала взглядом в его глазах. Каждое слово, которым мы обменивались, отзывалось ударами тока в моём теле и душе. Его друзей я помнила по нашему первому знакомству, но были и новые люди. Чтобы поддержать беседу, я кое-как пыталась рассказывать о своих перипетиях у нотариуса. В какой-то момент, он подвел ко мне девушку:

- Сильная, как мужчина! – так он мне её представил.

Раскованная, дружелюбная, ещё и платила за всех. Я позавидовала ее свободе. Под конец вечера, я обратила внимание, что она захмелела.

- Как она поедет домой? – спросила я у Джаду.

- Останется у меня.

До меня не дошло... или не хотело доходить. Я была настолько поглощена моментом своего триумфа в жизни – ведь мне удалось реализовать то, что казалось невозможным для девушки из небогатой семьи без особых средств к получе-

нию европейского образования и богемного образа жизни в Италии. Да ещё и помимо этого, возобновить общение с молодым человеком, который являлся воплощением мечты в моём сердце. Дома, закрыв дверь своей комнаты, я сползла по стене на пол. Счастье, влечение, предвкушение – накрыли меня с головой. Спустя некоторое время мы стали встречаться.

Постепенно пришла зима, и я не могла сдерживать восхищения – небо было залито солнцем, от чего приобретало ярко-голубой оттенок, красиво дополняющий насыщенно-зелёный цвет травы под ногами. Рим умел добавить красок в жизнь...

Пока на улице было прохладно, мы часто проводили время у него дома – меня не смущала никакая погода, я могла прийти к нему даже в дождь. Мы смотрели фильмы: у него наготове был бесконечный список всевозможного артхауза и не только. Мне повезло, что в тот год вышел фильм *La Grande Bellezza*, который мы посмотрели вместе с Джаду. И, хотя я еще была плохо знакома с городом и его жизнью, я удивилась тому, что уже испытала на себе то, с чего начинался фильм – с тусовки!

Та девушка, благодаря которой я нашла себе жильё, любила общаться с богатыми и влиятельными итальянцами и, как-то раз, пригласила меня на вечеринку. Я помню, что меня поразило, что на той “дискотеке” были совсем немолодые мужчины и женщины с загорелой кожей, объемными губами

и пирсингом в пупке, которые при этом очень страстно танцевали. В моей картине мира, люди за 50 были полноватыми и точно не танцевали под электронную музыку. Но в Италии возраст имеет весьма условное значение. Поэтому, когда я увидела ту сцену из *La Grande Bellezza*, я подумала про себя: “Я там была, я это видела!”

К слову, благодаря этому фильму, голубые воды фонтана на холме Gianicolo приобрели в моих глазах особенную красоту. Впоследствии, я часто туда приходила.

Джаду всегда готовил еду, когда мы встречались у него, и поручал мне какую-нибудь мелочь, типа натереть сыра, а иногда и что-то менее приятное: нарезать лук. Мне нравилось делать всё это вместе. Тем более, что готовил он весьма неплохо! Благодаря ему, я влюбилась в такие продукты как шпинат, артишоки, спаржа, кровяные стэйки, не говоря уже о всевозможных видах пасты под соусами, например, из свежих помидоров и базилика или *amatriciana*, – и всё это под терпкое сухое вино.

Иногда он приезжал ко мне, и я тоже готовила ему свои вариации вкусных блюд. Правда, они вызывали у него удивление, что в свою очередь вызывало удивление у меня: ну что особенного в болгарском перце в салате или на бутерброде? Мне казалось, что это самая обычная вещь, и все так делают. Но, очевидно, не в Италии. В Италии с едой строго: завтрак, обед и ужин только в определённое время; суп летом – тебе не жарко? Чай днём – ты что, болеешь? Про *sarussino* после

полудня я вообще молчу. Но мне было приятно делиться с ним чем-то хорошим. При этом, я ещё и удивляла саму себя: например, будучи человеком, который запросто может проспать до двух часов дня, ради него я вставала пораньше, чтобы приготовить завтрак. Не потому, что он это просил и не потому, что так “должна поступать настоящая женщина”, но потому, что мне очень хотелось его как-то порадовать.

На фоне внешней идиллии существовало две проблемы, про которые я была совершенно не способна говорить: сексуальная жизнь и общая тревога, которая пожирала меня изнутри. В нашей интимной близости, с одной стороны, мне очень нравилось моё к нему влечение и то чувство страсти, которое нас объединяло, чувственность Джаду и его напряженное, почти исследующее внимание к моему телу, его эксперименты – всё это заводило. Но было одно “но”. Его тело не всегда отзывалось, и иногда ничего не получалось. И мы вообще про это не говорили. Совсем. Конечно, меня это разочаровывало, потому что я жаждала не только прелюдий, но и самого главного – полного слияния. Разочаровывало, но не отталкивало – даже наоборот: мне очень хотелось преодолеть эту ситуацию вместе. Но у меня язык не поворачивался поговорить. Мне казалось, эта недосказанность нас разъединяла. К тому же, его поведение оставалось для меня непонятным и во многих других аспектах: я не знала ни о его чувствах, ни об отношении ко мне, ни тем более о планах на неделю. В принципе, у меня и не было потребности в долго-

срочных отношениях в духе и жили они долго и счастливо, но мне хотелось постоянно быть вместе, обсуждать всевозможные вещи, делиться чувствами – проживать тот драйв и огонь, что были внутри. В те года я не знала о психологии отношений и просто следовала истории моих родителей: “когда встречаешь по-настоящему своего человека, вам будет хотеться проводить всё время вместе”. И я стремилась добиться этого всеми возможными средствами, при этом, плохо спала – боялась, что он вот-вот испарится, исчезнет. Моя тревога росла, как сорняк. Я могла отправить ему миллион сообщений и звонков, которые он, естественно, игнорировал, что вызывало ещё большую тревогу во мне. И, одновременно с этим, я периодически пыталась делать вид, что не больно-то и надо. Так прошло месяцев пять. Пять месяцев качелей между паникой и притворством, восторгом и ужасом.

А потом... потом пришла мысль, как озарение, во время прогулки с новыми друзьями-иностранцами:

- А ведь я и без него здесь освоилась. Я сильная. Может, он мне... не нужен?

Эйфория самостоятельности длилась недолго. Спустя пару недель, он пришёл ко мне домой с целью поговорить и объяснить, что он хочет прекратить со мной отношения. Разговор был очень спокойный и недолгий. Он ушёл, а я помещалась.

Глава 2. Piazza di Siena

Piazza di Siena. Я часто сюда приходила. После нашего расставания с Джаду, мы больше с ним не разговаривали. У меня не было чёткого объяснения – почему так, – но я просто знала, что так правильно, и я не могу и не буду с ним общаться. Я пыталась сконцентрироваться на учёбе и на новых друзьях, и вроде внешне всё шло хорошо, но я чувствовала себя одиноко. Я не могла поделиться этой историей ни с кем. Однажды, когда Джаду забирал меня с какой-то тусовки, моя подруга увидела его и сказала, что он жутко страшный. Меня это обидело, и больше на эту тему я с ней не говорила. Но мы с ней сдружились на почве учёбы.

Мы обе попали на эту магистратуру без знания промышленного дизайна: до этого, я училась на графике, а она на архитектуре. Её звали Эсин – красавица турчанка из Стамбула, с длинными черными волнистыми волосами и очень светлой кожей. Когда она впервые появилась в нашей компании, она показалась мне невыносимой. Она мыслила и вела себя так, как будто мир слегка вращается вокруг неё: будто каждая наша вечеринка ждёт именно её появления, а любая обсуждаемая тема имеет непосредственное отношение к ней. Но со временем я ощутила на себе её душевную и эмоциональную щедрость и постепенно оттаяла, обнаружив, как мне комфортно, тепло и легко быть рядом с ней. Ей бы-

ло не жалко восхищения ни на себя, ни на меня, она интенсивно воспринимала мир и также интенсивно делилась своими впечатлениями со мной. Она не стеснялась быть яркой, требовать от жизни большего, и иметь амбиции. И рядом с ней, мне не приходилось играть роль скромняшки или как-то иначе приуменьшать себя и свои мечты. Я просто могла быть собой в компании хорошей подруги.

Её родители снимали ей квартиру недалеко от Ватикана, и мы стали часто проводить там время. В университете преподаватели тоже отметили нашу дружескую пару – мы хорошо смотрелись друг с другом на контрасте во время презентаций: она яркая, в необычных платьях и украшениях, и я – цвета теплого песка, с прямыми волосами и в попытке одеться по принципу минимализма. Мы много работали вместе над проектами, пытались разобраться с особенностями промышленного дизайна, а также готовили наши любимые блюда (и, в отличие от Джаду, нас с ней ничто не шокировало в кулинарных предпочтениях).

Учёба весьма отличалась от того, к чему мы привыкли. У нас было всего четыре предмета в семестр и много свободного, неорганизованного времени. Преподаватели появлялись на занятиях редко, задачи были большие, и у нас с Эсин не хватало технической подготовки. Но мы обе были достаточно амбициозны. Поэтому мы встречались утром у неё дома, готовили завтрак и садились работать. Потом обед, и снова работать. Потом ужин, вино и 20-ти километровая прогулка

по Риму. Рим, конечно, был божественен! Мы исходили весь центр, при этом Эсин всегда была на каблуках – я не знаю как, ведь улицы Рима были выложены крупной брусчаткой из булыжника – итальянцы называли их Sanpietrini. Мы исследовали район за районом: старый город за Piazza Navona, мелкие улочки вокруг пантеона, кошки на Largo Argentina, аперитивы в районе Monti, бары в Trastevere, испепеляющее солнце вокруг Колизея, скульптуры Микеланджело и картины Караваджо в церквях.

Помимо Эсин, в нашей компании было ещё несколько человек: паренёк из Болгарии, сикх из Индии и девушка из Ирана. В своё время мы все познакомились “благодаря” общей проблеме – нам нужно было доказать – университету и Государству Италии, – что мы достойные доверия граждане. При этом, у каждого были свои нюансы: кому-то недоставало справок, кому-то денег, кому-то визы. В общем, эта общая ситуация нас сплотила, и мы подружились. Так я впервые повстречалась с людьми совершенно отличных от меня ценностей и знаний. Например, несмотря на то, что и болгарин, и сикх приехали на магистратуру по дизайну, они не знали, кто такой Караваджо, и что такое барокко – хотя для меня, бывшей студентки СПбГУ, это было основой всех знаний о дизайне и культуре. Я возмущалась: как это возможно?! Это же история искусств! Ещё парень из Индии был не в курсе, что есть понятие Древняя Греция, и кто такой Папа Римский:

- Who is that guy? – сказал он, увидев Папу с балкона Ватикана.

Поначалу я смеялась, но потом, спустя какое-то время я заметила, что мои познания, например, об Индии могут за просто сравниться с его познаниями о Европе, и что в этом плане мы равны. А дружба важнее культурных недопониманий. К тому же, мы все теперь оказались в одной лодке перед лицом бюрократии и предстоящих экзаменов, и по одиночке нам бы не хватило навыков с ними справиться. На том и сошлись.

Иногда мы собирались у меня, чтобы подготовиться к экзаменам. Сикх помогал с экзаменом по механике, а я – с историей искусств. Поскольку это была магистратура, на экзамене от нас ожидали не только знания основных авторов и работ, но известных критиков искусства. А как объяснить человеку, в чём заключалась критика неоклассицизма, если он был не в курсе про классицизм, пришедший из Древней Греции, существование которой он отрицал?

- Почему они древние? Они же и сейчас живы! – спорил он.

Должна признаться, это был мой первый педагогический успех. Немного утрируя разницу между историческими периодами, я рассказала ему захватывающий триллер о том, как Древние Греки достигли апогея в эстетике, как римляне создавали каменные портреты, с которыми можно разговаривать, а потом, в средневековье, люди забыли, как строить

купола, и как по Риму бегали волки... и так до XVIII века, когда, собственно, и появился неоклассицизм, а люди вдохновлялись идеалами Древней Греции в пику излишествам барокко и рококо. Пока я упорядочивала историю Европы для своего иностранного друга, внутри я мечтала, чтобы кто-то объяснил мне вот также на пальцах правила и последовательность шагов в романтических отношениях, ну или на худой конец – лайфхак по быстрому излечению сердца.

- Сначала были древние греки, – так он начал свою речь на экзамене и получил наивысшую оценку *Cum Laude* на экзамене, в то время как я получила просто отлично без всяких отличий.

Взаимодействие с бюрократическими органами в Италии, это тоже отдельная история, и в ней есть как плюсы, так и минусы. Возможно, вы слышали, что в Италии всё медленно, хаотично и не работает. Так и есть! И всё же, это не совсем так. Многие проблемы, связанные с документами, в Италии можно решить при помощи эмоционального давления и незаурядного терпения. Также, итальянцы, поскольку сами довольно хаотичны, способны простить ошибки и хаос другим людям. В общем, система не безлична, а имеет довольно человеческий характер. Однажды, я пошла в мрачноватые офисы основного кампуса университета (кстати, очень похожие на наши казенные заведения), чтобы получить скидку на обучение, про которую я узнала от своих одноклассников. Я подготовила документы и принесла их в

офис. К сожалению, мне сообщили, что документы собраны в неподходящем формате, и мне нужно успеть их обновить до окончания срока подачи документов. Я поняла, что не успеваю, но делать было нечего, и я пошла домой и поделилась своей историей с одной из своих новых знакомых:

- А ты просто пойди в другой день и скажи, что ты подготовила документы согласно требованиям! – сказала она.

Я подумала, что это странно, но решилась попробовать. Я снова пришла через три дня. В окошке меня ждал тот же самый дядечка, и мне даже и не пришлось ничего говорить:

- О-о, уже сделала? Вот молодец, давай сюда!

Так я сэкономила на обучении.

В общем, скучать было некогда. Но всё же каждый раз, когда я оставалась одна, я не могла сосредоточиться ни на чём другом, кроме как Джаду. Обуреваемая переживаниями, я вспомнила совет своего преподавателя живописи из Петербурга: писать автопортреты – это отличный способ познать себя. Я подумала, что это идея. Мне всегда нравилась живопись. Я была знакома с ней с детства – занималась в художественной школе, после – в университете в Петербурге. И даже по окончании его, я продолжала ходить в студию, просто для себя. Но я никогда не писала без помощи преподавателя. Каждый раз, доходя до момента, когда я не знала, что делать дальше, я спрашивала у него совета. На этот раз мне предстояло самой решить, когда лучше продолжать работать над портретом, а когда – оставить всё как есть. Я пошла в мага-

зин арт-товаров и купила кисти, акриловые краски и небольшие планшеты из МДФ. Вернувшись домой, я села напротив планшета. Я стала класть краски слоями на планшет. Тёмно-зелёный, потом бордовый, потом жёлтый, потом синий цвета и так по кругу. Холст становился всё темнее и темнее и приобрёл искрасна-коричневый цвет. И только две узкие прорези остались гореть кислотно-зелёным. Я начала стараться оформить всё это в силуэт и вскоре из тёмного мессива стал проступать человеческий профиль. Все мазки слились в единую ткань, и было сложно определить, где заканчивается один цвет, и начинается другой. У меня было ощущение, как будто холст обрел жизнь, и я поняла, что пора остановиться. Часть моей души теперь живёт там. Я задумалась, как подписать эту работу: Ation или Oksana Zemskyh? Я взяла кисть, обмакнула её в тёмную краску и написала: О. Земских. Я вымыла кисти, убрала краски и легла спать – было уже глубоко за полночь. Я знала, что ещё вернусь к этому занятию.

Шли дни и даже месяцы.

Я в очередной раз сидела на Piazza di Siena и слушала Vangelis, полностью погружённая в свои мысли, и слёзы текли по моим щекам – то ли взаправду, то ли в моём воображении. И тут вдруг меня осенило: мне надо написать ему, мне надо возобновить общение. Я не согласна с молчанием, я это отрицаю. Я быстро засобирались домой, сердце бешено колотилось.

Зайдя в свою комнату, я походила туда-сюда перед компьютером, пытаюсь решиться. В итоге, я написала: “Привет, как дела”. И он ответил.

Он сказал, что надеется, что такое беспардонное сообщение – это на самом деле повод поговорить о чём-то большем. Это вызвало у меня смешанные чувства: с одной стороны, я была рада тому, что он требует какой-то значимости и содержательности от меня. С другой стороны, меня это больно резануло: то есть ты сначала меня бросаешь, не поздравляешь с днём рождения, не интересуешься как дела, но почему-то в отношении себя ожидаешь, что я буду продолжать тобой интересоваться?! Он сказал, что это всё из-за моей гордости. Возможно. Но гордость – это просто защитный механизм от боли. Кто-то же должен меня защищать!

Мы договорились встретиться на Via Alessandria – улочка недалеко от моего дома и Porta Pia, но уже за городскими стенами. Там был небольшой бар, мы сели за столик на улице.

- Мои друзья тоже часто на меня обижаются, что я им не пишу, но ведь и они мне не пишут! – я начала издали.

Но он понял, о чём речь:

- Если злятся, значит ты им не безразлична...

Мы быстро преодолели холод между нами и стали делиться тем, что произошло за то время, что мы не вместе. Он защитил диплом бакалавриата – что-то про какого-то иранского политического деятеля, – и сейчас находился в поиске. Он

рассказал о своей мечте: учиться на режиссёра кино. Меня вдохновила эта идея! У меня в голове мгновенно нарисовалась картина, что вот он, стоит на сцене и получает Оскара или ещё какую-то значимую премию, а я стою в глубине зала и тихо улыбаюсь, зная, что мы вместе прошли этот путь. Однако, мои розовые мечты были быстро нарушены прозой реальности: он планировал ехать учиться либо в Аргентину, либо в Гонконг. А это не просто в другой город или в соседнюю Францию. Туда так просто не слетаешь, особенно, когда у тебя нет денег, а у меня их на такие путешествия точно не было. Я боялась выразить свои истинные чувства, и как-то пыталась участвовать в диалоге и поддерживать этот план. Внутри же, я снова ощутила то жуткое чувство, что он вот-вот растворится... Вечер закончился у меня дома, но не наши отношения.

Вскоре он улетел в Аргентину, и наше общение перешло в формат онлайн. Мы периодически созванивались, часами говорили о книгах, фильмах, а потом разговор незаметно сворачивал куда-то вбок, и я уже знала, чем это закончится. Я сидела на неудобном стуле, полностью погруженная в экран. Он же свободно ходил по своей комнате, занимаясь своими делами, и только иногда резко направлял взгляд в камеру. Я проваливалась в его голос и эти встречи как в пропасть, а потом вылезала оттуда, как после бурной студенческой попойки, когда голова кружится, в глазах двоится, и ты не знаешь, что есть реальность, а что сон. Мне это нрави-

лось и беспокоило одновременно. Мне хотелось его видеть всё чаще и чаще, но также хотелось и освободиться. Я мечтала стать ближе, но и старалась держать дистанцию. Я постоянно думала о нём, стремилась к нему, тосковала, боялась потерять. А также, я старалась контролировать свои чувства.

И, чтобы заглушить боль, я, как обычно, с головой ушла в учёбу и в общение с однокурсниками.

В один из вечеров, я пошла на вечеринку, организованную для студентов, находящихся в Риме по программе Erasmus. Там обычно было много людей из разных стран и дешёвые напитки. Не могу сказать, что это был мой любимый формат вечеринок, – бесконечные small talk и подколы давались мне с трудом, – но я пыталась социализироваться как могла. На этот раз, вечеринка была организована недалеко от piazza Navona. Я пошла туда с девочками, которые учились у нас по обмену. Они, кстати, чувствовали себя как рыба в воде: очень общительные, весёлые, заводные. Я пыталась уследить за разговором, но шум акцентов и произношений разных стран быстро утомлял меня, и у меня как будто было два варианта: первый – пытаться понять, о чем речь, и задавать уточняющие вопросы каждые пять секунд или второй – делать вид, что всё ок. Я выбрала второй. Периодически ко мне подходили молодые люди, все с одним и тем же вопросом:

- Ты здесь по Erasmus?

- Не-а.

- А-а, — протягивали они, пока их улыбка сползала с их лица в разочаровании.

В Риме в барах было принято стоять на ногах во время всей этой болтовни и, толком не понимая, о чём все вокруг говорят, спустя какое-то время, я стала замечать, как моё внимание начало смещаться в сторону моих ног: не понятно, что болит больше — стопы или икры? Встать на одну ногу и покрутить стопой другой, потом — наоборот.

- How about you, Oksana? — один здоровяк из Турции прервал мои физические упражнения, хлопнув меня по плечу.

- Что?

- Do you also drink vodka for breakfast like all Russians?

- Which vodka, come on! — я пыталась то ли отшучиваться, то ли оправдываться.

Вокруг все смеялись, и я вроде как тоже, хотя внутри уже мечтала пойти домой. Я чувствовала себя одиноко и совсем не весело на подобных вечеринках — скорее, как лузер, который не знает о чем говорить, зачем говорить и с кем говорить. Мне хотелось делиться своими переживаниями, но это было как-то не принято и вызывало дискомфорт у окружающих. В общем, мне и хотелось этого веселья, этого общения с людьми — но в другой форме. Здесь это было невозможно, и от этого во мне поднимались переживания, с которыми было сложно справляться прямо сейчас, в моменте. Благо у меня был хороший excuse перед самой собой, чтобы уйти пораньше: ограниченное количество денег на выпив-

ку. Мне было сложно сказать самой себе – а тем более кому-то другому – что я уйду просто потому, что уйду. Была какая-то дурацкая потребность иметь логическое обоснование, получить подтверждение извне: мол, «ок». В общем я-таки ушла с этой вечеринки, включила музыку в наушниках и пошла в сторону дома от Navona, через фонтан Треви вверх к Quirinale, а оттуда уже прямо по улице XX Settembre до дома. Пока я шла, во мне накапливалось раздражение: почему я непременно должна пить водку на завтрак?! Этот парень из Турции был далеко не первым человеком, который шутил подобным образом. Поначалу, вроде и вправду мне было забавно. Потом это стало предсказуемым: каждый иностранец рано или поздно задавал этот шуточный вопрос – всегда с одной и той же интонацией. И мой ответ звучал так же одинаково, как и сам вопрос: “ха-ха, конечно!”. И вот я поняла, что это уже не смешно. В голове разворачивались диалоги, в которых я подкалывала этих людей в ответ или как-то пыталась объяснить нашу культуру... Одновременно понимая, что это никому не нужно, и всем пофиг.

В противовес пустым разговорам, в университете проходил интересный воркшоп про спекулятивный дизайн. В то время совсем недавно вышла книга про это направление, которая называлась “Speculative Everything”, и студентам подготовили программу на эту тему. Воркшоп вела пара, – муж и жена, – креативных дизайнеров, изобретателей, теоретиков. Они экстравагантно одевались, рассказывали про

проекты, в которых, ради научного интереса, исследователи шантажировали людей их склонностью к порно-сайтам (потом, естественно, они раскрывали карты и отпускали взволнованных любителей), и предлагали обращать внимание на небольшие странности сегодняшнего дня – “strange now”. Все эти манипуляции, или спекуляции, были нужны, чтобы попытаться предусмотреть возможные варианты развития будущего: его технологий и их влияния на человека и общество. Я помню, наша команда выдвинула идею о том, что появится сервис, который будет читать книжки за тебя и предлагать краткое содержание... Что-то напоминает? Мы тогда не подумали про искусственный интеллект, просто предположили, что компьютерных мощностей хватит на то, чтобы реализовать подобное – достаточно просто спроектировать и запустить сайт с таким функционалом. Я также помню, что преподаватели порекомендовали быть поосторожнее с процессом обучения – ведь это важно, чтобы люди самостоятельно делали выводы о прочитанном. На тот момент я часто воспринимала критику как призыв к разрушению своих идей. Возможно, если бы я умела видеть в ней призыв к развитию – кто знает, может сейчас я бы была бизнес-ву-ман. Но всё приходит постепенно. Тогда я немного разочаровалась, что моя идея была принята не так, как мне хотелось бы, но, несмотря на это, этот воркшоп открыл для меня новое восприятие своей профессии. Дизайн из просто создания красивых продуктов под назиданием клиента пре-

вратился в исследовательско-инновационную деятельность, полную интригующих возможностей. Dream big. Меня стали интересовать вопросы о том, как при помощи дизайна можно привнести новые видения решения социальных проблем. Я даже поделилась своими открытиями с бабушкой. В интернете одно время ходило много мемов о том, что нет ничего сложнее, чем объяснить своим бабушкам и дедушкам про профессию дизайнер UX/UI... что уж говорить о спекулятивном? На удивление, моя бабушка всё поняла и нашла много параллелей с её профессией. Она была кандидатом наук и в советские времена работала над научным трудом, в котором впервые применила язык программирования и, благодаря этой смелости, смогла свести сложное уравнение к одному неизвестному. Перед ней стояла задача оптимизировать количество энергии для поддержания работы промышленного холодильника. При чём тут дизайн? Очень похожий процесс: амбициозная и благородная цель по охране окружающей среды, креативный поиск способа решения проблемы (она стала первой женщиной в своём институте, кто выучила язык программирования и использовала вычислительную машину в своей работе), осязаемый результат. Мы с ней говорили про энтропию, про важность умения найти проблему и поставить задачу, про дизайнера как режиссёра, дирижирующего оркестром различных специалистов, объединённых общей целью.

Пока одна часть меня росла и открывала новые горизон-

ты, другая – по-прежнему тянулась туда, откуда ещё не отпустило. Своими впечатлениями и поисками я также делилась и с Джаду в наших звонках в Skype. Он как обычно советовал мне фильмы, а также слушал мои теоретические изыскания, частично делился тем, что он делал на своей учёбе в Аргентине. В любой теме нашего разговора звучало обещание возбуждения до дрожи. С каждым звонком, я всё сильнее ощущала нашу связь, и страх потери делал её только острее. Я боялась закрыть Facebook, чтобы не пропустить сообщение. Мне нравилось чувствовать это нарастающее, сильнейшее напряжение. Время шло, а я также старалась быть терпеливой и ненавязчивой, мягкой и поддерживающей, идущей на встречу.

И чувствовала накапливающее раздражение. И не видела выхода. Продолжать то, что есть. Ждать. Того ли я жду, кого надо? Для того ли стараюсь? Если я перестану сейчас, я ещё больше разочаруюсь или обрету свободу? Я не могла себе помочь. В какой-то момент Джаду стал мне часто сниться, и во сне он действовал так, как будто влюблён в меня, и я наконец получаю то, что хочу. И я с одной стороны вдохновлена и взволнована его чувствами, а с другой – мне неловко, как-то стыдно и даже немного брезгливо. Вконец измотанная своими опасениями, надеждами и сомнениями, я “удалилась из друзей” на Facebook и прекратила общение. Не могу терпеть его поверхностных чувств ко мне, а хочу глубоких и искренних. Если я не могу получить то, что хочу, то вычеркну это

из своей жизни, мне это не надо!

Я стала искать работу, чтобы не зависеть так сильно от родителей и нестабильной итальянской стипендии. Меня вдохновила одна из моих соседок по комнате – очень симпатичная немка, которая училась на психолога, подрабатывала в магазине Armani на Via Dei Condotti, а также успевала тусоваться на Campo Dei Fiori и обещала меня познакомить с её друзьями. К сожалению, то ли потому, что она рассталась с бойфрендом, то ли потому, что её программа Erasmus подошла к концу, она уехала назад в Германию, так и не познакомив меня ни с кем. Тем не менее, я решила попробовать с работой. Я подготовила резюме, оделась в строгом стиле – темно-синее платье с расклёшенной юбкой чуть выше колена и круглым вырезом и такого же цвета кожаные туфли-лодочки на небольшом каблуке. Я пришла на виа Кондотти и кое-как осмелилась зайти в магазин Armani, чтобы оставить там резюме. Я вышла с замирающим сердцем и, только я успела чуть выдохнуть и пройти пару шагов, как раздался звонок:

- Pronto? – по-итальянски я ещё почти не говорила, но пыталась делать вид...

Слава Богу, мне ответили по-английски и спросили, недалеко ли я отошла и могу ли подойти на интервью прямо сейчас. Я быстро согласилась.

Когда я зашла в магазин, я быстро поняла, что со своим стилем я попала в точку, и это отметила девушка-интервьюер – такой синий был их униформой! Однако, по причине

ли того, что я была из небогатой семьи или потому, что в той среде, где я выросла, интересоваться модой было немодно, я ни-че-го не знала об Armani. Тем не менее, интервью шло хорошо, я что-то отвечала о ценностях Armani, исходя из того, что я успела просканировать в магазине, прежде чем подняться в её офис, и девушка сказала, что я подготовлена лучше, чем мой предшественник. Внутри я танцевала от счастья. Интервью подходило к концу. Мы вышли из офиса и стали спускаться по лестнице. Девушка говорила, мне что скоро я, возможно, стану частью команды и... В моей голове играла веселая музыка, и я уже представляла себя частью этой команды. Девушка продолжала говорить про то, что, возможно, я стану частью команды... Я продолжала слушать внимательно и внутренне старалась запомнить всё, что она говорит. Так прошло несколько кругов, мы пожали друг другу руки и разошлись. Мне так и не перезвонили.

Я очень расстроилась и винила себя. Коммуникационные навыки у меня тогда были так себе, и могу предположить, что моё молчание с серьёзным лицом вряд ли соответствовало ожиданиям от успешного продавца... После этого интервью подобного везения у меня больше не было: на интервью меня никто не звал, далеко не все магазины брали распечатанные резюме, а отправленные онлайн и вовсе терялись. Во мне стало нарастать беспокойство и неуверенность в себе. Я вроде хочу, готова всему научиться, готова впахивать – но никто меня не выбирал в кандидаты на работу. Я это воспри-

нимала как личное отвержение и свою почти что недееспособность. Помимо работы в магазинах одежды, я пробовала найти стажировку по профессии, но тоже безрезультатно. Только один раз смогла устроиться на полтора месяца при помощи моей преподавательницы, и то без оплаты труда... Хотя работа была интересная, и с владельцем дизайн-студии мы сдружились. Мы работали над упаковкой домашнего набора для мозаики из... Каррарского мрамора – очень интересная идея. Студия находилась в уютном районе Monti, и я с удовольствием туда ходила. Однако, в то время, мне было сложно мыслить на перспективу. Мне хотелось сейчас. Денег сейчас, признания сейчас. Мысль о том, чтобы планомерно развивать свою профессиональную сеть знакомств и учиться эффективно общаться с людьми меня не посещала. Какой small talk?! Какой networking?! В общем, я плавно скисала и становилась всё более и более нервной и даже, по ощущениям, как будто бы затюканной.

И, как назло, именно в этот момент почва зашаталась и там, где я привыкла к непоколебимой стабильности – в компании друзей. В нашей небольшой компании друзей-мигрантов произошёл раскол, а я выбрала остаться на стороне своей подруги-турчанки Эсин. Она при этом многих недолюбливала, да и её тоже многие взаимно недолюбливали. К фоновой тревоге добавилась если не полная изоляция, то ощущаемое противостояние “мы против них”. На одной из тусовок Эсин познакомилась с парнем из Украины по имени Александр.

Он быстро въехал в её уютную квартиру у Ватикана, и встречи со мной отошли для неё на второй план. Терзаясь внутренними противоречиями, пытаясь быть хорошей подругой, я злилась, что, очевидно, никто не пытается быть хорошей подругой для меня. Моё внутреннее напряжение нарастало. Я пыталась найти себе новую нейтральную компанию, чтобы не чувствовать себя брошенной и одинокой. Так, я переключилась на свою новую соседку по квартире Альбу, которая работала на стажировке дизайнером витрин в Fendi. Она была очень активной, любила модные тусовки, и просила меня никому не говорить, что моя одежда стоит недорого. В общем, эта дружба тоже имела нюансы, но всё же она заставила меня почаще выходить в свет и заняться своей собственной личной жизнью. Оглядываясь на всё это – Джаду, Эсин, эти шаткие подработки, – я вынесла для себя один урок. Я приняла решение, что больше не окажусь в таких нестабильных отношениях как с Джаду, но найду себе молодого человека, который захочет разделить со мной искренние, серьёзные чувства. И скоро это произойдёт, вот только я не знала, что сама окажусь неспособна предложить искренность.

Глава 3. Аполлон

Я стала все чаще видеться с Альбой. Как я уже рассказывала, ее главной мотивацией был поиск богатого мужчины, и она знала в Риме все горячие тусовки, хотя сама была с севера Италии. Яркая натуральная блондинка с голубыми глазами, невысокая, с громким голосом и заливистым смехом, который легко было узнать в любой толпе. Я стала ее верным partner in crime во всех этих авантюрах.

На одной из таких вечеринок мы задержались допоздна. Танцпол почти опустел, остались только мы да еще пара-другая загулявших. Там мы и познакомились с ним. Итальянец, тоже блондин, с вьющимися волосами до плеч, накачанный, стильный – настоящий Аполлон. Он немного поговорил со мной и с Альбой, она обменялась с ним контактами, и мы поехали домой. По дороге она спросила меня – нравится ли он мне? Для меня подобные вопросы всегда некомфортны. Мне ужасно страшно признаться, что кто-то может мне нравится. У меня это вызывает какое-то смущение или даже стыд. Я привыкла, что, обычно, подруги не понимают мой выбор, и их лицо непроизвольно дергается в попытке сопоставить меня с моим избранником.

- У него к тебе серьезные намерения? Он тебе признался в любви? Он сводил тебя в дорогой ресторан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.